

ББК 81.2(2Рос.-Калм.)
УДК 811.512.37

**НОМИНАЦИИ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА
ПО СТЕПЕНИ РОДСТВА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале песенных текстов)***

В. С. Очирова, Э. У. Омакаева

Одним из важнейших исследовательских направлений современной лингвистики является изучение проблем номинации. Вместе с тем, далеко не все аспекты данной проблематики получили должное освещение. В частности, недостаточно исследованной в монголистике является специфика гендерной номинации лиц мужского пола по различным признакам, в том числе по степени родства.

Языковые данные в изучении родства, как известно, имеют первостепенное значение [Голстая 2009: 7]. Термины родства и свойства входят в основной словарный фонд любого языка и являются наиболее древним его пластом. Поэтому относительно немногочисленная терминология родства в монгольских языках не могла не привлечь внимания специалистов.

Источниковой базой для лингвистов чаще всего служат средневековые письменные памятники и словари, а также фольклорные тексты разных жанров [Омакаева, Бурыкин 1999; Бурыкин, Омакаева 2009; Рыкин 2005; 2009; Бадгаев 2009; Омакаева 2009; Пюрбеев 2013 и др.]. Так, в статье Г. Ц. Пюрбеева [2013] анализируется функционирование терминов родства в юридических текстах на материале памятника монгольского права «Халха джирум»). Слова, подвергшиеся анализу, определяют и подчеркивают специфику семейно-родственных отношений в монгольском обществе XVIII в.

Настоящая работа основывается на анализе оригинальных текстов калмыцких народных песен разных временных периодов, зафиксированных собирателями в XIX–XX вв. (А. Д. Руднев [1909], Г. Рамstedт [1962], А. В. Бурдуков [1939], А. М. Листопадов [1999] и др.), как опубликованных в различных сборниках [Төрскн һазрин дуд 1989], так и не введенных до сих пор в науч-

ный оборот, а также на собственных полевых материалах авторов (записи, сделанные в ходе экспедиционных выездов в районы республики в 2000–2013 гг.). Полевые материалы, собранные вышеуказанными учеными в ходе научных экспедиций в первой половине XX века на территории Калмыкии, ныне хранятся в архивных собраниях республики и за ее пределами [Омакаева 2000].

Актуальность заявленной в названии статьи темы обусловлена неразработанностью ряда сложных семантических проблем, связанных с гендерной номинацией в сфере лексики. Несмотря на имеющиеся исследования, посвященные изучению лексики разных тематических групп, включая термины родства, в т. ч. на материале песен [Убушиева 2013], проблематика в этой сфере ещё не исчерпана, что актуализирует описание рассматриваемых терминов сквозь призму гендера.

Гендерный фактор является одним из важнейших параметров личности и общества в целом. Как известно, понятие гендера было заимствовано для исследования социокультурных аспектов проблемы пола. Нас интересует прежде всего то, какими способами располагает калмыцкий язык для конструирования гендерной идентичности.

В современной литературе существует ряд работ, в которых рассматриваются способы языкового маркирования гендерной оппозиции «мужское/женское» [Кирилина 1998; 2000 и др.]. Среди средств лексического маркирования семантики «мужское» ключевую роль играют термины родства, под которыми мы имеем в виду группу слов, объединенную общей темой родства, гендерно маркирующую статус отношений в семье и в роде. Родственниками, как известно, считаются люди, связанные происхождением одного от другого (прямое родство) или от одного предка (боковое родство).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-24-03553.

«Математическое» выражение «алгебра родства» (термин Б. Малиновского [Malinowski 1930: 28]) подчеркивает сложность и иерархичность системы родственных отношений, связанной с этническими традициями и обрядами, с культами и ритуалами, с пищей, одеждой и другими компонентами материальной культуры. Интересы рода, забота о его продолжении и прославлении нашли отражение в развитой системе терминов родственных отношений, бытовавшей у калмыков.

Автор классификационной системы обозначений родства Алфред Луис Кребер выделил 8 основных признаков, с помощью которых следует описывать термины родства: 1) поколение (дед и отец, отец и эго, эго и его сын); 2) прямое или не прямое (боковое) родство (отец и брат отца); 3) относительный возраст родственника внутри одного поколения (старший брат и младший брат, старший дядя и младший дядя); 4) пол родственника (мужчина или женщина: брат и сестра, дядя и тетя, сын и дочь); 5) пол эго; 6) пол родственника; 7) родство или свойство; 8) иное: жив ли родственник, принадлежность к определенной возрастной группе [Kroeber 1909: 78]. Но при рассмотрении терминов родства в разных языках лингвисты применяют разные подходы.

Системное исследование терминологии родства во многом основывается на методе компонентного анализа, связанном с гипотезой о том, что значение слова состоит из семантических компонентов (сем). Иными словами, семантика терминов родства в разных языках может быть описана путем комбинаций признаков.

Компонентный анализ терминов родства впервые был выполнен Т. П. Ломтевым [1964] на материале русского языка. По мнению ученого, семантическое поле, выраженное терминами родства, стало своего рода полигоном, на котором испытываются разные методы анализа [Ломтев 1964: 108]. Семантико-функциональный подход к анализу русских терминов родства развивает в своем исследовании М. А. Кронгауз [2005].

Для обозначения родственных отношений в калмыцком языке предназначена детально разработанная терминология родства, основной оппозицией которой является маскулинность/фемининность. В калмыцком языке, как известно, отсутствует грамматическая категория рода, поэтому, в отличие от русского языка, трудно гово-

рить о родовой соотнесенности терминов родства.

Калмыцкие термины родства могут быть исследованы как в аспекте выявления того общего, что заложено в терминологиях родства разных языков вообще, так и с точки зрения наличия существенных межэтнических различий.

Известный американский исследователь терминов родства Д. Гринберг [Greenberg 1949; Voggers 1949] выявил три универсальных признака: 1) все языки стремятся иметь различные термины для обозначения родства разных поколений (различие между обозначениями внуков, детей, родителей и т. д.); 2) есть терминология для обозначения кровного родства и родства, установленного через брак (*отец, тесть* или *свёкор*); 3) все языки стремятся маркировать гендерные различия хотя бы между некоторыми родственниками (*отец – мать, дочь – сын*).

Исходя из этого, в калмыцком языке можно выделить две универсальные группы терминов родственных связей для обозначения лиц мужского пола: 1) по кровному родству (например, *отец, сын, брат*), 2) по некровному родству (свойству, браку, например, *муж*). Следует подчеркнуть, что принадлежность как к первым (родичам), так и ко вторым (свойственникам) налагала на члена родственного коллектива определенные обязанности. Универсальным признаком калмыцких терминов родства также является релятивность семантики.

Что касается специфических черт калмыцкой терминологии родства, то к ним относится наличие отдельных общих терминов для обозначения в целом родственников со стороны отца и матери. Как известно, родство у калмыков определяется по мужской (отцовской) и женской (материнской) линиям. Первое номинируют как *авһнр*, которые и считаются родственниками в собственном смысле слова, т. е. истинными родственниками. Кстати, у калмыков есть род под таким названием. Отцовская линия считается родством по кости (*ясн*), а родня по матери (*наһцнр*) — по крови (*цусн*).

Из достаточно большого числа лексических единиц, определяемых нами как термины родства, в текстах калмыцких песен были выявлены «маскулинные» лексемы, различающие лиц мужского пола по линии родства, полу, возрасту:

1. Для обозначения отца в песнях используется слово *аав*, хотя в современном

калмыцком языке данный термин служит для номинации понятия 'дед, дедушка'. Термин *аав*, изначально предназначенный в монгольских языках для обозначения старших родственников класса отцов, видимо, какое-то время бытовал параллельно с *эцк*, но впоследствии был вытеснен последним.

Но в песенных текстах анализируемая лексема регулярно выступает в значении 'отец': *Аавин өгсн селвгинь аңхун болж ядлав* 'Советом, что дал мне отец, / По своей беспечности пренебрег'; *Аавин һанц чамаһан / Аашна гижэ соңслав* 'Слышала я, что едешь ты, / Единственный сын (своего) отца'.

В широко известной исторической песне о Галдаме, посвященной выдающемуся ойратскому военачальнику XVII в. [Лыткин 1861], герой обращается к своему отцу с просьбой отпустить его на войну: *Хар мөрн эцэд угад, / Харһа жид мокад угад, / Аав, тэв, шурһнав би* 'Пока вороной конь не утомился, / Пока сосновое копьё не притупилось, / Отец, отпусти, я нападу'.

Что касается названия дедушки, то здесь имеет место гендерная дифференциация: дедушка по отцу именовался *өвк*; дед по матери — *һаңц эцк, һаңц аав*.

Следует отметить, что слово *аав* также используется при обращении не только к своему отцу (т. е. не только как термин родства), но и к любому лицу мужского пола преклонных лет.

2. Единой номинации для обозначения понятия «дядя» в калмыцком языке нет вообще. Необходимо знать, какой именно дядя имеется в виду, потому что дядя как брат матери по-калмыцки будет обозначаться одной лексемой, а для обозначения понятия дяди как брата отца в калмыцком языке используется совершенно другое слово.

Приведем пример со словом *һаңцх* 'дядя (по материнской линии)': *Һаңц зе хойран яһад эс медвч?* 'Как же ты не знал, что вы являетесь родственниками по материнской линии?' (речь идет о том, что юноша не знал, что доводится своей возлюбленной дядей по материнской линии).

У калмыков было принято знать родственников по линии отца до девятого колена, делалось это для того, чтобы избежать кровосмешения. Что касалось родственников по материнской линии, то брак с ними запрещался: *Зееһән авхла, зел тасрдмн* 'Если женишься на родственнице по мате-

ри, / Прервется твой род (досл. порвется веревка для привязывания телят и жеребят)'.

Интересно отметить, что в песенных текстах практически отсутствуют термины *авһ* 'дядя по отцу' и *авһнр* 'родственники по отцовской линии', но довольно часто употребляется лексема *һаңцх* 'дядя по матери' и *һаңцнр* 'родственники по материнской линии', что, конечно, не случайно.

До установления патриархальной системы господствующую роль играло родство по материнской линии. Некоторые элементы матрилинейности прошлого сохранились и в современной структуре системы терминов родства.

В лирических народных песнях, исполняемых от лица вышедшей замуж девушки, часто упоминаются родственники по материнской линии. В подтверждение приведем и калмыцкие пословицы: *Ээжин элгнд бууһад золһдг, / Аавин элгнд мөрн деерэс золһдг* 'Родственников по матери приветствуют, спешившись с лошади, / Родственников по отцу приветствуют с коня', *Экин элгнд сууһад һардг, / Эцкин элгнд зогсад һардг* 'Навещающая родственников по матери, уходят, немного посидев, / Навещающая родственников по отцу, уходят, немного постоив' [Пословицы 2007: 73, 74].

В трудные моменты именно родственники матери первыми приходили на помощь своим племянникам (*зеенр*). Так, в калмыцкой народной песне «Цаста цаһан уул» («Снежная белая гора») герой Лузанг Шарап отправляется за поддержкой к родственникам матери: *Заартын зандн бушмүдтэ билэ, / Заһлма күцм борта билэ, / Заяни һанц Луузң Шарв / Заятахн һаңцнран темцв* 'Был (у него) пропахший потом бешмет цвета сандала, / Был (у него) Серко, способный поймать кобчика, / Одинокий от рождения Лузанг Шарап / К счастливым родственникам по матери устремился'.

3. В системе калмыцких терминов родства значимую роль играет возрастной признак, что обусловлено традицией уважительного отношения к старшим не только в пределах семьи или рода, но и социума в целом. В качестве примера можно привести такой термин, как *ах* 'старший брат': *Хээрлдг ахнрнь болхла / Хэрэж ирэд, дөңнэд суув* 'Что касается милостивых старших братьев, / То, возвратившись, поддержали (нас)'.

4. Для обозначения младшего брата используется термин *дү* 'младший брат': *Генн*

бах дүүнртэн / Герл орулж өргжүлий ‘Наивных, легковверных младших братьев своих / Просветим и будем способствовать их развитию’.

5. В качестве обобщенного названия фигурирует сложное слово *ахнр-дүүнр* ‘братья’: *Ахнр-дүүнр гижэ / Амнлж маниг дуудла* ‘Считая нас братьями, / Призвал нас’.

6. Некоторым терминам родства в калмыцком языке присущи дополнительные значения. Так, термин *көвүн* ‘мальчик; сын’ обозначает не только ребенка мужского пола по отношению к своим родителям, но и представителя мужского пола определенного возраста: *Көвүн баһ насдан куукнлэ бичэ наадич* ‘В молодом возрасте (досл. в возрасте мальчика) не играй с девочкой’.

В песенных текстах данное слово встречается и в первом значении: *Альхн чинэн / Цааснднь, гинэ, / Эвэн көвүн Бадмнь / Бичэд өгдг билэ* ‘На бумаге, размером в ладонь, говорят, / Бадма, сын Аби, / Обычно писал’.

7. Названия мужчины и мужа в калмыцком языке совпадают: *залу* ‘мужчина, муж’: *Зурһан, гинэ, давхр-ла Москван чолун өргэднь / Залусин сээдүднь хурад, куундэд бээнэлэ* ‘В московской шестизэтажной каменной палате, говорят, / Лучшие из мужчин, собравшись, ведут беседы’.

Приведенные выше калмыцкие термины родства и свойства с этимологической точки зрения представлены в основном общемонгольскими словами, но они претерпели определенные фонетические и семантические изменения, в т. ч. в силу социальной специфики калмыцкой семьи.

На основе анализа номинаций лиц мужского пола по степени родства в калмыцких песенных текстах можно выделить следующие факторы, определяющие сложившуюся систему родства: дифференциация кровных родственников и свойственников; обозначение одним термином целой группы лиц различных степеней родства; разграничение отцовской и материнской линий родства; дифференциация терминов родства по старшинству и полу и др.

В заключение отметим, что выявленные нами в калмыцких песенных текстах «мужские» лексемы, номинирующие степень родства, являются важным индикатором отношения того или иного народа к родственным связям, к роли каждого члена семьи в жизни рода. В системе калмыцких терминов родства отражается этнокультурная модель традиционной семьи.

Данные калмыцкого языка показывают, что прототипическая калмыцкая семья многочисленна (*өнр*), ценностно ассиметрична (есть более и менее ценные родственники), для нее характерны патрилинейность и андроцентризм. Значимость возраста эго и возраста связующего родственника свидетельствует об идентификации степени родства сквозь призму семьи.

Литература

- Бадгаев Н. Б.* Фонетические особенности некоторых терминов родства и свойства в монгольском глоссарии «Мукаддима Ал-Адаб» // 7 Конгресс этнографов и антропологов России (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. С. 530–531.
- Бурыкин А. А., Омакаева Э. У.* Система родства и нормы гендерного этикета у калмыков как возможная причина изменения лексического фонда монгольских языков // 7 Конгресс этнографов и антропологов России (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. С. 533–534.
- Кирилина А. В.* Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. С. 51–58.
- Кирилина А. В.* О применении понятия *гендер* в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3. С. 67–74.
- Кронгауз М. А.* Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 352 с.
- Ломтев Т. П.* Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики. Термины родства в русском языке // Филологические науки. 1964. № 2. С. 108–120.
- Льткин Ю.* Хошоутовский нойон Галдама // Астраханские Губернские ведомости. Астрахань, 1860. № 45–46; 1861, № 7–8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26–29.
- Омакаева Э. У.* Материалы о калмыках в архивных собраниях Калмыкии и за ее пределами // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. СПб.: Петербург. востоковед, 2000. С. 78–83.
- Омакаева Э. У.* Термины родства *аав* и *ээж* в монгольских и калмыцких пословицах // 8 Конгресс этнографов и антропологов России. (1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. С. 532–533.

- Омакаева Э. У., Бурыкин А. А.* Система терминов родства и свойства калмыков // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб.: МАЭ РАН, 1999. Вып. 4. С. 212–221.
- Пюрбеев Г. Ц.* Термины родства и семейно-родственных отношений в памятнике монгольского права XVIII в. «Халха джирум» // Вестник КИГИ РАН. 2013. № 3. С. 121–123.
- Рыкин П. О.* Семантический анализ термина ага в среднемонгольском языке: к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // Алгебра родства. СПб.: МАЭ РАН, 2005. Вып. 9. С. 32–44.
- Рыкин П. О.* Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке // Вопросы филологии. Серия “Урало-алтайские исследования”. 2009. № 1(1). С. 80–91.
- Толстая С. М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М., 2009. С. 7–22.
- Убушиева Б. Э.* Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 26 с.
- Borgers A.* Review: Joseph H. Greenberg, The Logical Analysis of Kinship. Journal of Symbolic Logic. 14 (2). 1949. 135–136 pp.
- Greenberg J.* The Logical Analysis of Kinship // *Philosophy of Science*. 16 (1). 1949. Pp. 58–64.
- Kroeber A. L.* Classificatory systems of relationship // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 39. 1909. Pp. 77–84.
- Malinowski B.* Kinship // *Man*. 1930. Vol. 30. № 17. Pp. 9–29.

Источники

- Бурдуков А. В.* Рукопись. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 59, 83, 144.
- Листопадов А.* Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года / публикация В. Шивляновой // Из истории русской фольклористики: Сб. науч. статей. СПб.: Пушкин. Дом, 1999. С. 541–562.
- Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. Б. Х. Тодаева.* Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Руднев А. Д.* Мелодии монгольских племен // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1909. С. 395–430.
- Төрскн һазрин дуд. Хальмг улсин кезэңк болн өдгэ цага дуд / Цуглулж, диглж, барт белдснь Окна Б.; Ред. Буджала Е. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 241 с.*
- Ramstedt G. J.* Kalmükische Lieder. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1962. 96 p.